МАЛЕНЬКАЯ СКРИПКА — БОЛЬШОЙ КЛОУН

ГРОК

Один из самых блестящих и всемирно известных клоунов Грок (настоящее имя его Адриан Веттах) дал свое последнее представление в Гамбурге 31 октября 1954 года в возрасте 74 лет. Правда, уже задолго до этого он неоднократно давал прощальные гастроли, но каждый раз после этого возвращался на манеж и эстраду, не в силах расстаться с любимым искусством. Да и почитатели его во всем мире требовали новых и новых выступлений.

То, что Грок занимал одно из самых первых мест в плеяде лучших клоунов мира, нельзя отнести лишь за счет его выдающихся успехов в акробатике и гимнастике — в этой области было немало мастеров, — и не его необыкновенной музыкальности (Грок блестяще играл на тринадцати инструментах). Грока выделяло нечто совсем иное: ему удалось из отдельных забавных и трогательных черточек создать единый образ, образ добродушно-ребяческий, гротесково-неуклюжий и бесконечно обаятельный. Его кажущаяся неумелость и неловкость удивительно точно контрастировали с теми виртуозными номерами и трюками, которые он исполнял.

Как будто для Грока не существовало ничего сложного и трудного. Все, что он делал, он делал как бы невзначай, мимоходом, даже не интересуясь результатами своих проделок. Но за всем этим стояло великое мастерство, помноженное на столь же великое трудолюбие.

Его шутки были просты, естественны, порой звучали по-детски. Они были понятны каждому и неизменно вызывали смех. Грок был клоуном, который безраздельно владел аудиторией. Ни до, ни после него не было в Европе клоуна, который мог бы оставаться наедине с публикой семьдесят минут. Уникальными были достижения Грока в игре на концертине и миниатюрной скрипке. Тут было не только виртуозное мастерство, но и безупречный вкус. Грок исполнял музыкальные миниатюры, полные философского звучания. И тут же он доводил публику до хохота своими трюками с подбрасыванием и ловлей смычка, сценкой, в которой он упорно двигал рояль к стулу, а не наоборот, или снимал с рояля крышку и катался с нее, как ребенок с горки.

Неповторимым был его трюк со стулом, когда он, ломая сиденье, проваливался и потом стоя в центре проломленного сиденья, с места выпрыгивал с сомкнутыми ногами и вновь усаживался на то, что еще оставалось от стула. И при этом его радость по поводу удачного прыжка! И вообще его неподдельная радость по поводу каждого удавшегося трюка или шутки. Так например, освобождение от тесного ботинка, натершего гигантский мозоль, превращалось для Грока в самую большую радость жизни. Каждый зритель чувствовал, что, танцуя и радуясь, артист по-настоящему счастлив, и поэтому разделял его ликование.

Наконец, можно писать докторскую диссертацию о диалогах, которые он вел со своим партнером. Жесты и мимика его были глуповато-хитрыми и одновременно мудро-забавными. В поговорку нескольких поколений зрителей вошла его забавная присказка: это невозможно! ... и его беспредельно наивное — почему?

Великолепный прыжок из разбитого стула Грок делал даже в возрасте семидесяти девяти лет. Это ему удавалось лишь потому, что с раннего детства артист занимался самой жесткой тренировкой. Шпагат, сальто, каскады, проволока, баланс, жонглирование самыми разнообразными предметами — всем этим он владел в совершенстве.

Грок один из тех, кто поднял профессию клоуна на высоту подлинного искусства. С самого начала Грок связывал акробатическую эксцентрику с музыкальным номером. Одним из его самых первых трюков в цирке было переднее и заднее сальто, во время которых он продолжал играть на скрипке. Пожалуй, он был первым музыкально-эксцентрическим клоуном.

Важнейшей датой в жизни Грока было первое представление в цирке в 1894 году, триумфальные гастроли по Европе и Америке в 1908 году, гастроли в России в 1913 году, а также позднейшие выступления в Англии, Италии, Скандинавии. Высшая точка его артистической карьеры падает на двадцатые и начало тридцатых годов в Германии. Он давал от двадцати до тридцати представлений в месяц в Берлине и его выступления в «Скала» и «Зимнем саду» принадлежат к самым блестящим страницам не только в истории этих залов, но и всей культурной жизни города.

До сих пор есть немало людей, которые помнят этого необыкновенного клоуна: в парике с лысиной, с лицом, которое представляло сплошную улыбку, добрую и забавную, в широком пальто-балахоне, под которым виднелся слишком короткий сюртук, в длинных клоунских ботинках. Его представления начинались сразу же без всякой паузы. Он извлекал один за другим всевозможные предметы, с которыми неизменно вступал в конфликты, и перед которыми он оказывался вроде бы совершенно беспомощным. Но тем радостнее была его победа над ними. Радость его была активной и жизнеутверждающей. Скепсис и меланхолия, столь свойственная американским клоунам, была для него чужда. Когда он с трудом выносил огромный чемодан, в котором лежала лишь крохотная скрипочка или когда он забрасывал смычок как бумеранг или когда под его ударами рояль распадался на мелкие части — то во всем этом в конечном счете было что-то от старого Арлекина, шута народа.

Грок принадлежал к крупнейшим мастерам цирка и варьете. Его девиз был не действовать смешно, а быть смешным! Ему это удавалось. В его по-новому осмысленной борьбе с сопротивлением различным предметам, раскрывались новые свойства и качества этих предметов, раскрывалось умение самого клоуна. Как никто другой он владел секретами нюансов перехода от смеха к слезам, умел выжимать из репризы, антре, трюка все, до конца.

Никогда не отступать — таков был его жизненный принцип. Так, например, он затратил почти все состояние на свой фильм в 1931 году, не принесший ему никаких доходов. После войны он создает два новых фильма, в которых были собраны лучшие его клоунские номера. Фильмы назывались «До свидания, господин Грок» и «Манеж свободен».

После 1945 года Грок возобновляет свою артистическую деятельность. Он гастролирует по странам Европы. В Гамбурге основывает свой цирк. Умер Грок в возрасте 79 лет. Высшим признанием для современных клоунов является международный приз «Маска Грока».

Предлагаемые отрывки взяты из его автобиографической книги «Невозможно», вышедшей впервые в 1956 году в одном из мюнхенских издательств.

Хельга БЕМАН,
искусствовед (ГДР).

ДЕБЮТ В «РАЙСКОМ УГОЛКЕ»

В поисках сносного заработка мой отец с семьей перекочевал в начале 90-х годов в небольшой швейцарский городок Биль. Население его на три пятых говорило по-немецки, две пятых — по-французски. Каждый житель с детских лет свободно говорил на двух языках и это создавало обстановку всеобщего дружелюбия и непринужденности.

Городок этот находился на оживленной европейской магистрали между французским Нанси и австрийским Инсбруком. Здесь останавливались не только торговые люди и посетители ярмарок, но и те, кто нес им веселье и развлечение — бродячие комедианты, циркачи, устроители массовых гуляний. А это в свою очередь вызывало у молодежи городка огромный интерес к эстраде и цирку.

Как правило, лучшие гимнасты того времени были родом из Биля.

Вскоре после нашего переселения, в Биле состоялся карнавал. Вся ярмарочная площадь была в красочных балаганах. Всеми правдами и неправдами я ухитрился посмотреть все без исключения представления. Особенно в одном из них меня поразил клоун, который играл на неизвестном мне инструменте — ксилофоне — и вызванивал мелодии на бутылках в разной степени наполненных водой.

Вернувшись домой, полный впечатлений, я немедленно решил повторить номер. Достал пустые бутылки, наполнил их водой и стал бить по ним столовыми ложками. Это увидел мой отец. Он вырезал из дерева небольшие молоточки и подарил их мне. Бутылки и молоточки стали моими первыми музыкальными инструментами.

В Биле отец приобрел небольшой ресторанчик «Райский уголок». Именно там началась моя артистическая карьера.

У нас было пианино и мы с сестрой устраивали музыкальные часы. Она играла на пианино, а я на скрипке, проучившись предварительно год у местного педагога. Своей игрой мы развлекали посетителей. Запросы были тогда, конечно, гораздо меньше, чем сегодня, в эпоху радио и телевидения.

Со временем я соорудил специальную подставку, на которую вешал бутылки с водой. Во время выступления я чередовал игру на скрипке с номером на бутылках.

Увидев мои успехи, отец стал покупать для меня настоящие музыкальные инструменты в Берлине. Причем покупал не сразу, а по мере того, как я осваивал предыдущий. Да, и при этом отец ставил еще одно условие — я должен был хорошо учиться в школе.

За короткое время я овладел десятью различными музыкальными инструментами.

В те годы я был очень занятым мальчишкой. Утром шел в школу, после обеда делал уроки, затем играл на всех инструментах, не считая упорной спортивной тренировки. Особое внимание я уделял акробатике, в частности — каучуку. Наконец, я настолько овладел своим телом, что мог, образно говоря, завязываться узлом и не всегда легко принимал первоначальное положение. Я великолепно делал стойку и однажды на глазах у гуляющей публики на руках прошелся по перилам через мост в центральном парке. Зеваки ждали, что я сорвусь и упаду в быструю речку. Но я эффектно окончил свое «ручное» хождение элегантным сальто и тут же исчез, так как знал, что если меня узнают, то дома не миновать взбучки.

Много времени я отдавал балансу. Тут я использовал все, что попадалось по пути: ходил по заборам, по любой перекладине, висевшей над землей, по рельсам. Однажды на спор я прошел целый километр, ни разу не опустив ногу на землю.

Наконец, отец, оценив мои успехи, купил мне проволоку, которую мы укрепили в нашем дворе на высоте одного метра. Тут уже потребовалось мастерство иного плана — ходить по колеблющейся проволоке.

Через месяц я уже чувствовал себя полным хозяином положения. Легко ходил взад и вперед, прыгал, делал сальто. Я поднимал проволоку все выше и выше, пока высота не достигла трех метров. Вначале я еще пользовался различными предметами для баланса, но потом обходился и без них.

НА КАНАТЕ МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

Луи Бургин был в то время очень известен в Биле, как акробат и танцор на канате. Он был другом моего отца и часто приходил в «Райский уголок». Увидев мои успехи, он предложил участвовать в его очередном представлении на ярмарочной площади.

Сам он должен был пройти по высоко натянутому канату, а я для завлечения публики выступить с небольшим клоунско-акробатическим представлением внизу на подмостках.

Отец дал свое согласие, а о моей радости и говорить не приходится.

Пришел день моего первого циркового выступления. Был конец мая, прохладный вечер после ненастного дня. Приготовления были закончены и ярмарочную площадь заполнила масса народу. От отеля «Швейцарский двор» к «Кафе юристов» на уровне третьего этажа был натянут канат. Снизу его почти не было видно. И тут в последний момент выяснилось, что по техническим причинам защитная сетка не может быть установлена. Узнав об этом, Бургин побледнел.

«Я не смогу, не смогу, не смогу...— твердил он.— Но это позор, позор, конец...»

Бургин был в полной растерянности. И выступать и не выступать он не мог. Но в конце концов он сдался. Он был немолод и несмел.

— Можно я пойду вместо вас, мсье Бургин?

— Ты сошел с ума, мальчик. Я несу за тебя ответственность перед отцом!

— Но вы же не можете разогнать людей по домам. Или они больше никогда не соберутся на ваши представления. Быстрее бегите к отцу и спросите у него разрешения.

Бургин клюнул на мою хитрость.

Едва только он удалился, как я схватил тяжелый баланс и мигом поднялся на третий этаж. И вот я уже стою в окне, под которым укреплен канат. Я встал на подоконник. Далеко внизу — толпа людей. Лиц я не различал. Вон совсем крошечные подмостки, на которых я должен был выступать. С жужжанием мимо пролетел жук. Ему было хорошо.

Одной ногой я встал на канат и сжал в руках баланс. Тут страх заполз мне под рубашку. Но во-время я вспомнил рейнскую шутку о пьянице. Коротко расскажу ее.

Пьяница должен был перейти ручей. Но совсем ветхий мостик вдруг стал угрожающе трещать у него под ногами.

— О, милосердный бог,— проговорил пьяница,— клянусь тебе, если я благополучно доберусь до противоположного берега, то не возьму больше в рот ни капли.

И бог сжалился над пьяницей. Он благополучно добрался до противоположного берега. Вот он уже одной ногой ступил на сушу.

И тут пьяница изрек:

— Подумаешь, фокус, я бы добрался и без твоей помощи, господи! Не успел он это произнести, как мост рухнул и пьяница упал в реку.

— Бог милосердный,— пробурчал пьяница, вынырнув,— оказывается у тебя совсем нет чувства юмора. Шутки понимать надо!

И я поступил точно как тот пьяница.

— Боже милосердный,— произнес я,— позволь мне добраться только до противоположного окна и я больше никогда не поступлю так легкомысленно!

Внизу кто-то начал аплодировать и вся толпа поддержала. Отступать было поздно — меня заметили.

И я встал двумя ногами на зыбкий канат. Но в душе я был спокоен. Появилась внезапная легкость в движениях, я шел и шел, и все это походило на детскую игру в моем дворе. Я был опьянен счастьем. Как жаль, что меня не видит отец. Вот я уже у противоположного окна. И тут я услышал грохот оваций.

— Радуйтесь,— подумал я,— но как вы будете ликовать, когда увидите, как я пойду обратно.

И, не мешкая, я тут же начал обратный путь. Дойдя до середины, я вдруг почувствовал, как канат немного опустился. Чуть-чуть, но этого было достаточно, чтобы я, объятый ужасом, покачнулся, выронил баланс и... в какое-то последнее мгновение я все-таки успел ухватиться руками за канат. Я услышал, как внизу в ужасе закричали женщины, кто-то с шумом захлопнул окно: кому хочется видеть смертельное падение канатоходца?

Но я крепко вцепился руками в канат и только бормотал: «господи, неужели ты не простишь мне шутки? Ну что тебе стоит довести меня до той стены?

И я медленно сантиметр за сантиметром передвигался к заветному окну. Вот уже пара крепких рук подхватила меня и втянула в окно. Это были руки моего отца.

Я ждал от него удара, ругани, всего. Но он только погладил меня, поцеловал и не сказал ничего. Он выглядел как мой бог...

ПЕРЕВОД И ПОДГОТОВКА ПУБЛИКАЦИЙ К ПЕЧАТИ — ПИСАТЕЛЯ ИММАНУИЛА ЛЕВИНА

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ